

¹¹ См.: *Урузбакиева Ф. К.* «Новая» герменевтика Ф. Джеймисона // Россия — Запад — Восток: Компаратив. пробл. современ. философии [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://www.anthropology.ru/ru/texts/uzurbakieva/russia_14.html.

¹² *Рикер П.* Существование и герменевтика // Хрестоматия по истории философии. Ч. 2: Западная философия. М., 2001. С. 411.

¹³ См.: *Соссюр Ф.* Курс общей лингвистики // Лингвистика XX в.: система и структура языка. Хрестоматия. Ч. 1. М., 2004. С. 7.

¹⁴ См.: *Бенвенист Э.* Общая лингвистика // Там же. С. 203.

¹⁵ *Уайт Х.* Метаистория... С. 7.

С. Г. Карнюк

ГРЕЧЕСКИЙ ПОЛИС: ИСТОРИЯ НАУЧНОГО ТЕРМИНА

Практика исторического перевода, использования тех или иных слов в качестве научных терминов неизбежно вызывает споры среди специалистов: можно сослаться на дискуссии по поводу определения феодализма, революции и т. п. Для историков античности в России, а в последнее десятилетие и в Европе термин «полис» воспринимается как естественное обозначение античной гражданской общины, тем более что восходит к древнегреческому слову. Но все ли здесь так просто? Если обратиться к трудам историков XIX—XX вв., то можно обнаружить, что в они использовали такие определения, как «город», «гражданская община», «город-государство». Полис как научный термин появляется позже, в советский период.

Российскую историографию античности после 1917 г. и вплоть до последнего времени обычно обозначают как «советскую». Что означает советская историография? На Западе до сих пор пользуется популярностью точка зрения о том, что советская историография — это исключительно марксистская историография. Однако насильственное внедрение марксизма (или псевдомарксистских идей) в советское антиковедение начинается только с конца 20-х гг.

В 30—40-е гг. XX в. наиболее известные ученые, воспитанные в старых, дореволюционных традициях, сохраняли прежнюю выучку, навыки прежней школы, добавляя к ней — в меру испуга и хитрости — то или иное количество «правильных» цитат. Творческое развитие марксистских идей в СССР началось лишь с конца пятидесятых годов. Если и можно говорить об оплодотворяющем воздействии марксизма на советскую историографию, то только для периода «оттепели», начиная со второй половины 50-х гг. XX в. Для этого времени характерны дискуссии, не столько спланированные сверху, сколько вызванные потребностями самого ученого сообщества.

Для значительного числа советских историков-антиковедов марксизм оставался «мертвой буквой», а труды классиков марксизма — источником ссылок, не более того. Таким образом, советская историография — понятие скорее территориальное и хронологическое, нежели методологическое.

Следует отметить, что советские ученые в 20—50-е гг. XX в. почти не занимались проблемами полиса, поскольку главной сферой их интересов были проблемы рабства и классовой борьбы в древности. Это было результатом идеологического давления, и рабовладельческий способ производства стал официальной концепцией для всех древних обществ. Только с середины 50-х гг., после ослабления жесткого идеологического давления эпохи сталинизма, стало возможным большее разнообразие подходов.

Советские исследователи античности до 50-х гг. крайне редко использовали термин «полис» в своих трудах. Перелом наметился в начале 50-х гг. в среде московских академических историков-антиковедов. С. Л. Утченко начал широко употреблять выражение «греческие полисы»¹, обозначая античную гражданскую общину как полис (греческую) и *civitas* (римскую), подчеркивая их родство и употребляя термин «полис» в качестве более общего, «видового», понятия². Другой выдающийся историк, О. В. Кудрявцев, писал о том, что в процессе формирования рабовладельческого общества в Средиземноморье возникает «основная общественная единица и политическая форма античного мира — гражданская община землевладельцев и рабовладельцев, которая именовалась

polis в эллинском мире, *civitas* в Италии и которая в дальнейшем для краткости будет именоваться полисом»³.

Ленинградский историк К. М. Колобова с середины 50-х гг. также начала употреблять выражение «рабовладельческий полис»⁴. Широко использовал термин «полис» для обозначения греческих городов-государств А. И. Доватур⁵. Определение полиса можно найти и в «Советской исторической энциклопедии»: «Полис — город-государство, особая форма социально-экономической и политической организации общества, типичная для Древней Греции и Древней Италии (лат. *civitas*)... С установлением в Древней Греции рабовладельческого строя полис становится формой рабовладельческого государства»⁶. В работе Л. П. Маринович содержится, пожалуй, классическое для советской историографии 60—80-х гг. определение полиса:

Принципиальное решение проблемы полиса, прежде всего как организации социальной, а не только политической, дано К. Марксом в его работе «Формы, предшествующие капиталистическому производству», где гражданская община поставлена в связь с античной формой собственности, специфика которой и определила своеобразие античной общины (*polis, civitas*). Характерная же особенность античной формы собственности состоит в том, что она всегда выступает в противоречивой, двуединой форме, как собственность государственная и как собственность частная... Отсюда — кардинальнейшая особенность полиса, заключающаяся в том, что право частной земельной собственности определяется принадлежностью к гражданской общине⁷.

К 70-м — началу 80-х гг. «полис» практически вытесняет все иные слова, используемые для обозначения древнегреческих государств⁸.

Историки-марксисты стремились выявить специфику полиса через изучение античной формы собственности на основе работы К. Маркса «Немецкая идеология». Фрагмент ее, опубликованный еще в 1940 г. в «Вестнике древней истории» (№ 1) под заголовком «Формы, предшествующие капиталистическому производству», оказал заметное влияние на развитие советской историографии.

Советские историки, которых проблемы методологии интересовали в меньшей степени, используя термин «полис» как некий щит, могли им отгородиться от неизбежных в предыдущую эпоху генерализаций, сведя «необходимую дань» марксизму к набору обязательных ссылок, а подчас и вовсе обходясь без них⁹. Впрочем, никакого четкого деления в данном случае провести невозможно, речь может идти скорее о степени использования марксистской методологии. Все, однако, были рады использовать «полис» в качестве защиты от обязательной догматики.

«Полис» не стал «новой ортодоксией» для советских ученых; напротив, он использовался в качестве конструкции, призванной скрыть отсутствие «обязательной к исполнению» методологии, включая, разумеется, и марксистскую. Так термин «полис» превратился в своеобразный щит против идеологического давления. И это простенькое оружие обеспечило спокойную жизнь многим советским ученым и способствовало полной (но, надеюсь, не окончательной) победе позитивизма в сфере методологии. Только немногие историки (среди них можно назвать О. В. Кудрявцева, С. Л. Утченко, Э. Д. Фролова, Ю. В. Андреева¹⁰, Л. П. Маринович, Г. А. Кошеленко¹¹ и некоторых других) пытались изучать полис в теоретическом аспекте.

Не случайно, что главная дискуссия в области древней истории в 60—70-е гг. развернулась не в области антиковедения, а вокруг «азиатского способа производства», т. е. по вопросу о том, насколько был уникален восточный путь развития общества. Косвенным откликом на эту дискуссию была знаменитая статья Е. М. Штаерман в известном сборнике «Проблемы истории докапиталистических обществ», в которой греческий (средиземноморский) полис рассматривался как уникальное отклонение от обычного «восточного» пути развития человеческого общества¹².

Гораздо меньший размах и меньший научный и тем более общественный резонанс имела дискуссия о кризисе полиса (1970—1980-е). Концепция кризиса полиса, популярная в то время и среди западных марксистов, и в странах Восточной Европы, приобрела в СССР много сторонников¹³, среди которых следует отметить

Л. М. Глускину¹⁴ и Л. П. Маринович¹⁵. Даже не вдаваясь в научное значение этой концепции (а она в любом случае сыграла значительную роль в развитии наших взглядов на эволюцию полиса), можно задаться вопросом: почему именно к р и з и с? Не вырисовывается ли здесь, кроме научной, и какая-то иная общественная потребность? Если возникновение концепции «революции рабов» было явным и неприкрытым социальным заказом, то не говорит ли интерес к проблемам кризиса о некоем «историческом чутье» советских античников в эти внешне сравнительно спокойные, застойные годы?

В качестве примера можно привести взгляды ленинградского историка Л. М. Глускиной¹⁶. Главная причина кризиса полиса, по ее мнению, — это растущее противоречие интересов отдельного индивида и государства в целом, стремительно нараставшее в IV в. и ставшее очевидным в эпоху эллинизма:

Кризис полиса, приведший к ослаблению спаянности коллектива граждан, противопоставивший различные слои гражданского населения не только друг другу, но и государству в целом, четко выявивший разрыв между государственными и частными интересами, возможность обогащения и существования вне узких полисных рамок, не мог быть разрешен ни частичными реформами, ни усилиями теоретиков политической мысли, ни заменившими гражданское ополчение наемными армиями. На смену системе небольших, автаркичных, замкнутых политических образований шла система эллинистических государств»¹⁷.

Концепцию дихотомии «полис — город» активно поддерживал Г. А. Кошеленко¹⁸, который посвятил полису немало работ, в специальной монографии исследовав греческий полис на эллинистическом Востоке. Наиболее «идеологична» и поэтому представляет для нас наибольший интерес статья Г. А. Кошеленко, посвященная соотношению полиса и города¹⁹. По мнению автора, «в древнегреческом обществе, особенно в IV в. до н. э., существовали глубокие внутренние противоречия. Одним из важнейших было противоречие между двумя социальными структурами: городом и полисом. Город, это олицетворение развития производства (в первую очередь

ремесленного) и товарно-денежных отношений, вступал в конфликт с полисом как социальным организмом, основанным на общинных началах и допускающим только ограниченное развитие ремесла и товарно-денежных отношений. Проявлялось же это в том, что в рамках единого политического организма боролись две эти тенденции, представляющие две структуры»²⁰. Эта концепция не стала, впрочем, общепринятой среди советских историков.

С «выделением» античного Средиземноморья из общего пути развития человеческого общества были не согласны многие видные востоковеды. Так, ленинградские ученые И. М. Дьяконов и В. А. Якобсон, несмотря на различия в своих взглядах на эту проблему, считали, что гражданская община существовала и на Древнем Востоке (может быть, за исключением Египта в силу специфичности условий возникновения государства в Египте), и рассматривали полис в ряду других древних гражданских общин²¹.

Таким образом, полис для советских исследователей античности был по преимуществу «цеховым» термином. Однако в трудах историков России в 1970—1980-е гг. вновь стала пользоваться популярностью концепция о подобии древнерусских городов Средневековья и греческих полисов²². Таким образом, для историков России полис оставался своеобразным «признаком» европейского (западного) пути развития.

Итак, кризис полиса воспринимался прежде всего как идеологический кризис. Случайное ли совпадение, что именно в 70-е гг. в СССР четко обозначился кризис коммунистической идеологии? Исследователи в массе своей не пытались бороться, спорить с марксизмом, они пытались уйти от него в менее идеологизированные сферы истории — конкретно-историческую проблематику²³, историю культуры и т. д.

Марксистские и вообще методологические штудии в области античной истории не имели никакой перспективы уже с начала 70-х гг. Перестройка здесь в сущности мало что изменила. Поэтому поистине трагически выглядит позиция выдающегося советского историка Е. М. Штаерман, которая в дискуссии на страницах «Вестника древней истории» в конце 80-х гг. отстаивала свой (марксист-

ский) взгляд на античную общину²⁴. Ее концепции не пытались оспорить, они были никому не интересны и не нужны. В 90-е гг. уже не было никаких острых дискуссий в области антиковедения.

У молодого и среднего поколения российских ученых-антиковедов до сих пор сохранилось неприятие теоретических проблем, стремление избежать их, уйти в историческую конкретику. Сыграло роль и то, что в последние годы не было создано ярких школ или направлений; отрицательную роль в данном случае сыграло разделение академической и университетской науки. Нужны годы, чтобы интерес к методологии истории восстановился. Поэтому и проблема полиса отпала сама собой. Молодое поколение исследователей не видит здесь никакой проблемы — как правило, термин «полис» употребляется наряду с термином «государство» взаимозаменяемо.

Подводя итог, можно утверждать, что полис никогда не был в центре широкомасштабной интеллектуальной дискуссии в российском и советском обществе. Причина заключалась в том, что эта тема была слишком далека от главных «горячих» точек интеллектуальных дискуссий в России — проблем взаимодействия власти и индивида, места России между Востоком и Западом. Греческий полис никоим образом не мог помочь в объяснении предполагаемой российской уникальности. Он оставался знаком европейского пути развития, европейской «ординарности», и именно поэтому исследователи российской истории стремились сравнить его (возможно, напрасно) с древнерусскими городами-республиками. Но для советских историков античности начиная с 50-х гг. полис играл важную роль как профессиональный термин, позволяя «обходить» идеологические догмы. Так, уникальность греческого полиса оказалась востребованной в также уникальных условиях советской историографии.

Итак, резюмируя, можно предложить следующее определение полиса как научного термина: п о л и с (от др.-гр. polis — город) — конвенциональный термин, используемый с середины XX в. советскими, российскими, а также частью западных историков античности для обозначения античной городской гражданской об-

щины. Соответствует в целом *ancient city-state*, *ancient city* (англ.), *cite antique* (фр.)

¹ См., в частности: *Утченко С. Л.* Идейно-политическая борьба в Риме накануне падения республики: Из истории полит. идей I в. до н. э. М., 1952. С. 8.

² См.: Там же. С. 11. Ср.: *Утченко С. Л.* Кризис и падение Римской республики. М., 1965. С. 6.

³ *Кудрявцев О. В.* Эллинические провинции Балканского полуострова во II в. н. э. М., 1954. С. 6—7.

⁴ См.: *Колобова К. М.* Возникновение и развитие рабовладельческих полисов в Греции. Л., 1956; *Колобова К. М., Глускина Л. М.* Очерки истории древней Греции. Л., 1958. С. 74—78.

⁵ См.: *Доватур А. И.* Политика и Политии Аристотеля. М.; Л., 1965.

⁶ См.: *Казаманова Л. Н.* Полис // Советская историческая энциклопедия. Т. 11. М., 1968. Стб. 271.

⁷ См.: *Маринович Л. П.* Греческое наемничество IV в. до н. э. и кризис полиса. М., 1975. С. 271.

⁸ См., напр.: *Античная Греция. Проблемы развития полиса. Т. 1: Становление и развитие полиса. Т. 2: Кризис полиса.* М., 1983. (Добрая половина глав этого двухтомника содержит в заголовке слово «полис».)

⁹ Характерно, что Е. М. Штаерман использовала термин «полис» крайне редко, возможно — из-за его отчетливого позитивистского оттенка (см., в частности: *Штаерман Е. М.* Эволюция античной формы собственности и античного полиса // *Визант. временник.* Т. 34. М., 1973. С. 3—14).

¹⁰ См.: *Андреев Ю. В.* Раннегреческий полис. Л., 1976. На Ю. В. Андреева большое влияние оказала идея М. Финли об «unbridgeable divide» между доиндустриальным и индустриальным городом (см.: *Андреев Ю. В.* Историческая специфика греческой урбанизации // *Город и государство в античном мире: Проблемы ист. развития.* Л., 1987. С. 7). Статья М. Финли (см.: *Finley M. I.* *The Ancient City: From Fustel de Coulanges to Max Weber and Beyond // Compar. Stud. in Society and History.* Vol. 19, nr 3. Cambr., 1977) часто цитировалась советскими историками.

¹¹ См.: *Кошеленко Г. А.* Полис и город: К постановке проблемы // *Вестн. древ. истории.* 1980. № 1. С. 3—27.

¹² См.: *Штаерман Е. М.* Античное общество: Модернизация истории и исторические параллели // *Пробл. истории докапиталист. о-в.* Кн. 1 / Под ред. Л. В. Даниловой. М., 1968. С. 638—671.

¹³ О кризисе греческого полиса в IV—III в. до н. э. писал еще О. В. Кудрявцев (см.: *Кудрявцев О. В.* Указ. соч. С. 14).

¹⁴ См.: *Глускина Л. М.* О специфике классического греческого полиса в связи с проблемой его кризиса // *Вестн. древ. истории.* 1973. № 2. С. 27—41.

¹⁵ См.: *Маринович Л. П.* Указ. соч.

¹⁶ См.: *Глускина Л. М.* О специфике греческого классического полиса в связи с проблемой его кризиса // *Вестн. древ. истории.* 1973. № 2. С. 27—42; см. также написанную ею главу «Проблемы кризиса полиса» в кн.: *Античная Греция...* Т. 2. С. 5—42.

¹⁷ *Глускина Л. М.* Проблемы кризиса полиса // *Античная Греция...* Т. 2. С. 42.

¹⁸ См.: *Кошеленко Г. А.* Греческий полис на эллинистическом Востоке. М., 1979. С. 3.

¹⁹ См.: *Кошеленко Г. А.* Полис и город...

²⁰ Там же. С. 27.

²¹ См.: *Дьяконов И. М., Якобсон В. А.* Гражданское общество в древности // *Вестн. древ. истории.* 1998. № 1. С. 22—30.

²² См., например: *Фроянов И.* Киевская Русь: Очерки социально-экономической истории. Л., 1980. С. 222; *Фроянов И., Дворниченко А.* Города-государства древней Руси // *Становление и развитие раннеклассовых обществ: Город и государство* / Под ред. Г. Курбатова, Э. Д. Фролова, И. Фроянова. Л., 1986. С. 198.

²³ Прекрасный пример: *Виноградов Ю. Г.* Политическая история Ольвийского полиса VII—I вв. до н. э.: Ист.-эпиграф. исслед. М., 1989. Автор мало озабочен проблемами возникновения или кризиса полиса вообще.

²⁴ См.: *Вестник древней истории.* 1989. № 2—4; 1990. № 1—3 (ср. особое мнение: *Кошеленко Г. А.* К дискуссии о возникновении государства в древнем Риме // *Вестн. древ. истории.* 1990. № 1. С. 93).

А. С. Козлов

ИСТОРИОПИСАНИЕ КАК SCIENTIA СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Вопрос о том, являлась ли история в своих средневековых историографических проявлениях научной деятельностью, каковым было место истории в кругу средневековых наук, ставился неоднократно. Как правило, ответы на такой вопрос были до последнего времени отрицательны, несмотря на некоторые попытки увидеть и в средневековом историописательстве элементы методических приемов. И. Шперль в 30-е гг. XX в. был одним из первых, четко выразивших мнение, что история как «занятие прошлым» не имела места в средневековых познавательных системах, т. е. как науки истории не существовало. Она не была предме-